

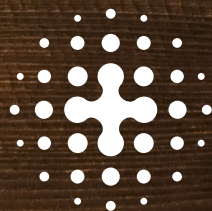

Адвент

НАДЕЖДА • МИР • РАДОСТЬ • ЛЮБОВЬ

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ РАССКАЗЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ В АДВЕНТ

СОСТАВИТЕЛЬ МАРИЯ БЕЛЕНЦОВА

МОСКОВСКАЯ
БИБЛЕЙСКАЯ
ЦЕРКОВЬ

biblechurch.ru

Адвент

НАДЕЖДА • МИР • РАДОСТЬ • ЛЮБОВЬ

ЕВГЕНИЙ ПОСЕЛЯНИН (1870–1931)

Николка

Все для разговенья было готово. Пирог подрумянился, и от одного вида хорошо поджаренной, промасленной корки становилось сладко; жирный кусок баранины распространял по избе заманчивый запах; из выставленного только что из печи горшка с горящими щами шел густой пар. В избе было почти все прибрано. В святом углу с почерневшей большой иконой Скорбящей и новенькими образами в бумажных ризах засвечена была лампадка.

Сквозь окна уже почти не видно было света. День быстро скрывался. Михайла во дворе запрягал дровни. Пора было собираться ко всенощной. Ехать нужно было не в приход, а в большое село Трехбратское, лежавшее от деревни верстах в двенадцати. Там был храмовый праздник.

Хозяйка Михайлы, Марья, ухватистая, высокая румяная баба, быстро довершала уборку избы. Выставив из печи на стол жареное и пирог, она прикрыла их и крикнула пасынку своему, Николке, мальчику лет семи, чтобы вынес в сени кошку и не пускал ее в избу, а то еще вздумает полакомиться их разговеньем. Покончив с приготовлением к завтрашнему обеду, Марья стала обряжаться. Она была из зажиточного дома в Трехбратском и любила показать себя лицом. Не хотелось ей в такой день выезжать кое в чем. И когда надела она цветной сарафан сдутыми серебряными пуговками, голову повязала красным шелковым платком, накинула тулуп, крытый тонким синим сукном, то стала еще величавее и пригляднее.

Вошел в избу Михайла, пустив за собою клубья морозного воздуха, и тоже начал одеваться по-праздничному. Только у Николы не было ничего нового. Все же он надел вымытую рубаху и, напялив свой заплатанный полушубок, стоя в углу, бережно оправлял мятый картуз, который в обыкновенные дни надевал на голову, не заботясь об его виде. Михайла несколько раз украдкой взглянул на сынишку. Может быть, ему стало жаль, что у него нет к празднику обновы. Он мог также думать, что было бы иначе, если бы жива была мать Николки. Сам же Николка не думал ни о мамке, ни об обновлениях. Он старался стоять как можно тише, чтобы чем-нибудь не рассердить мачеху. Он был очень рад, что его берут в село, и ему хотелось поскорее сесть на дровни, где его уже не за что будет бранить.

В Трехбратском должны были заночевать у родных Марьи и только уже после обедни вернуться домой. Все это очень занимало Николку. Изготовившись, Михайла плотнее завернулся сверх полушубка в широкий армяк и крепче подпоясался. Марья устроила у себя на груди своего годовалого ребенка, загасила огонь, оставив одну лампадку, и все вышли наружу, Михайла с Марьей поместились спереди, а Николка с большим удобством прилегал сзади, и так поехали.

Сытая, сильная лошадь бежала весело. Схваченный суровым морозом снег визжал под полозом, дровни скользили ровно и плавно. На густом ворохе соломы и покрытым еще сверху старым отцовским кафтаном Николке было тепло. Сперва он долго глядел то вверх, на небо, сверкавшее бесчисленными, все продолжавшими высыпать звездами, то на огоньки в избах встречных деревень, то в темноватую даль, и с боков, и спереди, и сзади обступавшую дровни. Потом от ровной езды и от той тишины, в которой они ехали, Николка стал дремать. Сквозь забытые чувствовал он,

---

что дровни въезжали уже в лес и что если б он был один, ему бы тут стало страшно, а со своей семьей на дровнях здесь было еще лучше, чем в поле. С обеих сторон точно обнимали узкую дорогу громадные сосны и редкие лиственные деревья, и прежняя тишина сменилась каким-то странным и загадочным непрерывным шепотом. Бог весть, о чем думал Николка.

Хотелось бы ему лета, когда в этом самом лесу, на полянках, в траве, распускались цветы и зрели ягоды, а близ кочек подымались грибы, или думал он о селе, горячей огнями церкви с громким пением и праздничным народом, или хотелось ему, чтобы кто-нибудь приласкал его. Но сладко было в этот вечер Николке дремать на дровнях, среди леса, под убаюкивающее визжание полозьев.

Вдруг что-то потянуло его оглянуться назад. Высвободив голову из-под кафтана, он посмотрел на дорогу. Не очень далеко от дровней бежало что-то разбросанное, черное, и из этого черного светились как будто прыгающие огоньки. Николке стало страшно. Он быстро поднялся в дровнях на колени и заглянул через отца на лошадь. Лошадь дрожала, уши ее поднялись, и она трусливо водила ими.

– Чего ворочаешься-то? – спросила недовольно мачеха. В ее голосе слышалась тревога. Николка обернулся еще раз назад. Огоньки приближались. Уже ясно слышался шум надвигающейся массы.

– Тятка, волки! – закричал Николка.

Михайла видел все. Он почувствовал опасность, когда лошадь насторожила уши, и, зная, что делать тут нечего, только молил Бога унести их от беды. Он надеялся лишь на одно, что волков мало или что кто-нибудь подьедет сзади, и они отобьются вместе. Погоняя лошадь, он оглянулся назад: целая стая волков гналась за ними. Лошадь бежала изо всех сил, но расстояние между стаей и дровнями становилось все меньше.

– Держись, – закричал Михайла, – все кучкой сидите. Бог милостив, может, уедем! – И, приподнявшись, он стал неистово, до крови, нахлестывать лошадь.

Высоко забросив голову, лошадь точно стлалась над землей. В смертельном ужасе прижимая к себе ребенка, Марья смотрела вперед. Михайла то и дело оборачивался. За спиной Марьи, лицом к волкам, стоял на коленях Николка. Ему уже было слышно дыхание зверей. Он понимал, что, когда волки совсем нагонят, они бросятся на него первого. Он не плакал, не кричал, не бился, но весь замер.

– Николку, Ни колку держи, – кричал Марье Михайла.

Но Марья все сидела неподвижно. Волки настигали. Морда переднего волка касалась уже дровней. Через мгновение он бежал с ними в уровень. Скоро дровни должны были очутиться в самой середине стаи. Ужасные огоньки волчьих глаз мелькали со всех сторон, слышалось тяжелое дыхание страшных зверей. Вдруг Марья поднялась и, одной рукой продолжая придерживать своего ребенка, другою со страшной силой подняла за полушубок Николку и с безумным криком швырнула им в волков.

«Тятка, тятка!» – раздалось в воздухе.

Но дровни летели дальше. Обезумевшая лошадь несла их неудержимо. Был ли затемнен ум Михайлы, не слышал ли он, как зовет его сынишка, но он все хлестал бесившуюся лошадь. Атам, сзади, чернела на белом снегу стая, окружившая сброшенного с дровней мальчишку.

Когда мачеха сбросила Николку волкам, кроме безграничного ужаса, мертвящим холодом прохватившего его до костей, он ясно осознал: «съедят», и, закрыв глаза, лежал на земле, не пытаясь встать. Между тем все было тихо. Оттого что волки не бросились на него сразу, ему стало еще страшнее. Со страшным усилием, как бы ожидая воочию увидеть свою смерть, он осмелился открыть глаза. Волков не было. На снегу было тепло.

И вдруг что-то радостное, такое, чего он не испытывал еще никогда в жизни, охватило мальчика.

Почему-то ему стало ясно, что он спасен. Какая-то сила стояла вокруг него в лесу, меж деревьев, лилась с высокого неба, и эта сила ласкала и оживляла его. Эта сила смела куда-то страшную стаю волков и, торжествующая, наполняла благоволением и радостью весь лес. То была какая-то бесплотная сила. Она неслась над землей и разливала вокруг себя успокоение и отраду. И там, куда приближалась она, белее стлалась снежная пелена, горячей и приветливей светили с неба звезды, и все с ликованием встречало сошествие чудного Младенца. Земля чувала эту животворящую силу. И пред ее шествием седые сосны склоняли свои гордые вершины, а под снежным саваном та сила совершала невыразимые вещи.

По деревьям от корней потекли живые соки, на лучах снег покрывался зеленой свежей травой, зацветали цветы. Нежный подснежник, чистый ландыш, белая ромашка, голубая незабудка, полная благоухающей влаги фиалка, – проросли там, где за минуту лежал мерзлый снег, и в лиловых чашечках колокольчиков слышался веселый тоненький звон...

Рои легких стрекоз с прозрачными крыльями и легких бабочек кружились над расцветшими вокруг цветами...

Подняв ледяную, мгновенно растаявшую кору, журчали светлые ручьи, спеша скорее добежать до больших рек, до дальнего теплого моря...

И всюду, где проходила та сила, была торжествующая бессмертная жизнь, и не было там ни смерти, ни горя, ни сожаления...

И над всем этим просветлением и радостью шла она, всепрощающая, победоносная сила...

Вокруг нее слышался тихий полет чьих-то легких крыльев, доносились отголоски какой-то песни, когда-то давно, в такую же ночь, спетой с неба бедной освобожденной земле и услышанной тогда несколькими пастухами...

В больших городах суетою были заглушены те отголоски, но в лесу им внимала пробужденная природа, вторившая им радостным ропотом жизни, да спасенный тою силою деревенский мальчик, и, когда прошла она, снова холодно, тихо и грозно было в лесу. Не стало в нем ни журчащего ручья, ни только что расцветших цветов, ни порхающих бабочек...

Не было также мальчика...

Только следы полозьев да волчьих лап были по-прежнему на снегу, да весело мигали с неба ясные звезды, да старые сосны неспешно завели непонятную речь о том, что они видели...

Ускакав от волков, Михайла и Марья были в самом ужасном положении. Страшное пустое место в дровнях, где лежал, когда они выехали со двора, Николка, зияло перед ними грозным обличием. Они не смели вернуться назад высвободить Николку. И страшно было ехать вперед, страшно подумать о церкви. В головах у них было туманно. Они не перемолвились ни одним словом и сумрачные въехали в село.

Издали в ночной морозной тишине доносился благовест звонкого колокола. Скоро открылась церковь, расположенная поодаль барского дома на высоком, издали видном месте. Около церкви стоял гул еще неуспевшего войти внутрь народа. Здравствование и перебрасывание словами, окрики на лошадей, визг полозьев и шагов по затвердевшему снегу отчетливо раздавались в застывшем и неподвижном от холода воздухе. Мальчики плясали по снегу, чтобы согреться, и дули в пальцы; пришедшие пешком присаживались отдохнуть на выступ каменной ограды; входившие в церковь снимали на паперти с высокою крышей шапки и крестились. Сквозь стеклянные широкие двери виден был изнутри яркий свет и колыхающаяся толпа.

Только Михайла и Марья без радости, с тяжелым сердцем, вошли в церковь. Еще на селе им показалось, что парень во дворе у родных, которому они сдали лошадь, смотрит на них подозрительно. Не могли они отвечать никому, кто здоровался с ними; не смели никому глядеть в глаза, не смели пройти вперед и остановились неподалеку от дверей.

Прямо перед ними был алтарь. Много свечей пылало перед местными иконами, к ним прибавлялись все новые, а они не смели и подать на свечу. Михайла тосковал по сынишке, а Марья терзалась жгучим раскаянием.

Ей чудилась другая женщина, мать Николки, и эта женщина смотрела на нее неотступно грустными глазами, и в ушах Марьи слышался ужасный шепот: «Что ты с ним сделала?»

Служба шла. Отчитали Шестопсалмие; открылись потом Царские врата; притч вышел к иконе на середину церкви, и раздалось величание родившемуся Младенцу. Потом пошли кадить в алтарь, и голоса детей из сельской школы тихо и стройно стали повторять слова величания. В это время Марья, широко раскрытыми глазами смотревшая вперед, дернула мужа.

– Видишь, – сказала она, чуть не задыхаясь, – Николки душенька по церкви ходит.

– Вижу, – отозвался Михайла.

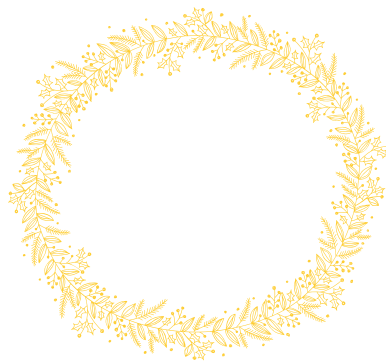
Действительно, Николка в старом полушубке и валенках, держа в руках старый картузишко, видимо, только для Михайлы и Марьи, ходил по церкви. Он шел за священником, входил за ним в алтарь, вышел назад и пошел за ним по церкви, и, когда священник, недалеко от Михайлы и Марьи, покадил в их сторону, шедший за священником Николка низко им поклонился.

– Поедем домой. Мочи нет моей, – шепнула Марья мужу, и они вышли из церкви и поехали домой другим путем.

Не смела Марья молиться, но в уме ее стояла одна мысль, – что Бог велик и что Он мог бы сделать так, как будто ничего этого не было. С сокрушенною душой, сознавая себя последнею из грешниц, входила она в избу. Лампада теплилась перед иконой Скорбящей и образами в золотых бумажках. На лавке под образами тихо спал в полушубке, картузишке и валенках живой, невредимый Николка...

А по всей вселенной всю ту ночь ходила великая Божия сила.

1910-е

Счастливого Вам Рождества и благословенного нового года,
ОТ МОСКОВСКОЙ БИБЛЕЙСКОЙ ЦЕРКВИ!